

Дмитрий Колчигин aka Uner

Волюнтаризм и Телема: *do what thou wilt*

Свобода – это, в первую очередь,
не привилегии, а обязанности.

Альбер Камю

Краткое обозначение проблемы

Существуют десятки толкований Законов Телемы (греч. Θελεμα, "воля") – мистико-философского учения, созданного оккультистом Алистером (настоящее имя – Эдвард Александр) Кроули (1875 – 1947) – хотя на первый взгляд три основных положения учения вполне понятны и не вызывают никаких проблем: «*There is no law beyond Do what thou wilt*» («Нет закона превыше, чем Поступай согласно своей воле»), «*Every man and every woman is a star*» («Каждый мужчина и каждая женщина есть звезда») и «*Love is the law, love under will*» («Любовь есть закон, любовь, управляемая волей»). Все три "заповеди" впервые появились в так называемой *Liber AL vel Legis, Книге Закона*, написанной Кроули в 1904 году в состоянии транса под диктовку некоего существа, назвавшегося Айвазом. Сочинение представляет собой трехчастное послание: Книга Нуит, Книга Хадита и Книга Ра-Хоор-Куита. Можно без преувеличения сказать, что *Liber AL* приняла статус священной книги телемитов – и практически ни одно положение Книги не осталось без десятков различных интерпретаций (хотя сам Высокородный Жрец Анх-ф-н-хонсу, как назвал себя Кроули в *Комментарии Класса А* к Книге, если не запрещает, то, во всяком случае, как минимум не поощряет толкований Книги). Сам Кроули оставил огромное количество комментариев к Книге Закона, полагая, что все интересующиеся обратятся за толкованиями именно к нему.

К сожалению, ныне интересующиеся *вообще перестали интересоваться толкованиями*, воспринимая написанное буквально. И это приводит к коренному непониманию некоторых основных положений самого учения. К примеру, главное уложение Телемы – закон *Do what thou wilt* – стало восприниматься как призыв к нигилистически-анархическому «что хочешь, то и делай». Возведение этого положения в статус *закона* породило множественные укоры со стороны логиков философов.

К несчастью такое непонимание приняло тотальный характер, и именно это послужило толчком к написанию этой статьи, в которой мы надеемся дать обзор той информации, которая должна направить мысль изучающего телемитские писания в направлении, определенном их создателем.

Мы рассмотрим первый закон Телемы и разнообразные комментарии Кроули к нему, что позволит нам сопоставить понятие воли, каким его

представлял *Magister Therion*^{*}, с понятием воли в философии волюнтаризма^{**}, главным образом, у главного представителя этой ветви – Артура Шопенгауэра. Основания для такой аналогии будут представлены в статье. Рассмотрение принципа *Do what thou wilt* с точки зрения воли по Шопенгауэру меняет дело в корне, как мы увидим в дальнейшем. Вероятно, в современном непонимании данного принципа сыграло главную роль смещение семантики термина «воля» – без анализа приняв, например, волю по Ницше с принципом «Воля *освобождает*: таково истинное учение о воле и свободе», для *Do what thou wilt*, мы получим сильнейшее противоречие с первоначальной концепцией.

Как же рассматривать волю в соответствии с замыслом Кроули? – Мы попытаемся ответить на этот вопрос.

---

* «Учитель Зверь» (лат. и греч.) – одно из многочисленных прозвищ Кроули.

** *Волюнтаризм* – от лат. *voluntatis*, «воля». Можно сказать, что «Телема» и «волюнтаризм» – одно и то же название на разных языках.

Часть первая. **Wilt** – филологическая сторона проблемы

Начнем с того, что «Делай, что хочешь» – некорректный перевод (его избрал Георгий Осипов в своем, мягко говоря, странном переводе Книги). *Do what thou wilt*. Малоупотребительный английский глагол *will* (не вспомогательный, разумеется) имеет два значения: 1. *Решишь, проявлять волю*; 2. *Заставлять*. Нас интересует первое его значение. Сам глагол восходит к прагерманскому $\sqrt{WIL}$, – ср. с англ. *will* (n.), нем. *Wille* – который, в свою очередь, родственен латинскому *voluntatis* – ср. с вербальной формой *vult*: например, фраза *Satanas vult* в **Maledictum Liber Primus:VII** может, конечно, переводиться как «Так *хочет* Сатана» (по аналогии с построениями типа *Quid ille me vult?* – «Чего он от меня хочет?»), но «Такова воля Сатаны» будет гораздо более точным (семантически, **НЕ** грамматически – грамматически точный перевод выглядит примерно как «Сатана [, он] изволяет») переводом. «Делай, что изволишь» будет более точным с позиции происхождения переводом (у *will* и *изволить* даже корни одни – как-никак индоевропейская группа). Однако существуют и контраргументы: у глагола *изволить* в русском языке сложилась «аура» некоего услужливого холуйства и барской прихотливости. Ср. с отрывком из одной из статей Варракса и Дэна-М: «Отметим <...> семантическое отличие "желать" от "изволить". Оно, конечно, банально, но все же распишем в явном виде: если "желать" подразумевает, как минимум, хоть какую-то попытку подумать над тем, *что именно* желаешь – тут уже не так далеко и до того, чтобы задуматься, *зачем* желаешь. Хотя в *нашем* понимании "желать" *всегда* обозначает понимание "зачем".

А вот "изволить" – это то же "хотеть", но с барско-капризным оттенком: "чего изволите-с?"; исторически было *подобострастным* обращением, и желание "изволить" весьма показательно [**«желание "изволить"»** и подобострастное **отношение** к *изволяющему* – разные вещи.]. Не менее показательно и то, что "изволение" *не подразумевает* понимания "зачем", это именно выполнение любого каприза».

Опустим совершенно необоснованные попытки провести некую границу, отделяющую понятия «хотеть» и «желать», и сконцентрируемся на «изволить». Все словари сходятся в том, что «изволить» – *устаревшее* (что нас сейчас не заботит) и ныне *ироничное* (вот это нас и интересует). В данном контексте вряд ли допустимо использовать *ироничное* словечко. Конечно же, мы можем использовать его в своем значении, подразумевая то, что *мы* в него *вкладывали*, но, во-первых, это перевод, а не наш личный труд, где мы можем делать, что [*изволим, хотим, желаем*], а во-вторых, в тексте Книги неуместны будут наши необходимые в таком случае контекстуальные примечания.

Что же делать?

«Делай, что хочешь» – отмечаем как противоречащее самому замыслу (сам Кроули неоднократно подчеркивал: «WILT, not WANT»); «Делай, что изволишь» – отмечаем как неверно ориентирующее читателя; «Делай, что желаешь» – отмечаем как полностью синонимичное «Делай, что хочешь». Словарь синонимов дает такие варианты: *иметь охоту, стремиться, мечтать, лелеять мечту, позывать, жаждать, возжелеть, алкать*. Ни один не подходит. Но вспомним Шопенгауэра: он, говоря о функции подвластности Воле (об этом – ниже) использовал формулировку «*волящая сторона нашего существа*». Мы можем выделить от данного причастия глагол «*волить*» – и не будет ли он единственно верным и точно передающим значение первого закона Телемы? (О корректности связи Кроули-Шопенгауэр мы еще поговорим.)

В любом случае, переводить *Do What Thou Wilt* как "Воли" будет малопонятно и неблагозвучно. Поэтому мы будем оставлять данную фразу без перевода в тексте статьи (за исключением цитат, разумеется) – если же контекст потребует именно *перевода*, то мы будем передавать *значение*: "Поступай согласно своей воле".

Часть вторая. **Wilt** – сакральная сторона проблемы

...говорят: "Этот пуруша состоит из желания". Каково бывает его желание, такова бывает воля; какова бывает воля, такое деяние он и делает; какое деяние он делает, такого удела он и достигает.

Брихадараньяка-Упанишада. Раздел Раджнявалкьи, Гл. VII, Четвертая Брахмана:5

Что же *значит* «Do what thou wilt»? Большинство неопитов толкует это как «все можно». Зачем же тогда Кроули в примечании к сороковому стиху Книги Нуит написал: «здесь имеется в виду Истинная Воля, т.е. это не означает "Делай, что хочешь"»?* Мы могли бы построить некоторые предположения, которые выглядели бы безосновательно, не будь у нас прямого указания на их допустимость. «Воля <...> в том же смысле [, что и] у Шопенгауэра и Фихте» (примечание Кроули к сорок первому стиху первой книги) – вот ключ к пониманию первого уложения Телемы.

В предисловии к русскому изданию книги Кроули «Магия в теории и на практике» переводчик говорит: «Воля, или Желание – the will – ключевое понятие философии Кроули; очень часто оно облекается в форму глагола to will "хотеть" или "желать". Поэтому, несмотря на то, что употребление термина "Воля" послужило бы поводом для весьма интересных аллюзий к работам Шопенгауэра, Ницше, экзистенциалистов и т. д., переводчик был вынужден отказаться от этого многообещающего варианта и переводить will как "желание" или "желать"». Не совсем понятно, на каком же основании will переводится как "желание", вероятно, переводчик решил таким образом избежать возникновения у читателя «весьма интересных аллюзий к работам Шопенгауэра, Ницше, экзистенциалистов и т. д.» – но *зачем?* Мы ставим

---

* «Do what thou wilt нельзя понимать, как отклонение от нормы, или даже как свободу. Например, это может значить *Поступай согласно твоей (Ата) воле*, где Ата – это 406 = {Tau-Bau} = знак креста. Так, отрывок может означать самопожертвование или равновесие. Я привел это рассуждение для того, чтобы показать глубину мыслей, необходимую для понимания такого обыкновенного отрывка. Все значения верны, если только интерпретатор просветлен; а если нет – все они ошибочны, так же как и он сам» [Старые комментарии к Liber AL].

задачей развернутую демонстрацию соответствия возникновения аллюзий на Шопенгауэра замыслу Кроули. Собственно, для обоснования этого соответствия достаточно одного лишь вышеуказанного комментария, но следует все же указать на некоторые внутренние аналогии.

Стоит обратить внимание на сорок второй стих книги Нуит: «Thou **hast no right** but to do thy will» – «у тебя **нет иного права**, кроме исполнения своей воли». Ясно, что Кроули прекрасно осознавал то, что сейчас ему ставят в укор как *незамеченное*: **закон**, гласящий «Делай, что хочешь», отменяет сам себя: если над тобой есть закон, пусть даже закон «Делай, что хочешь», ты не можешь делать, что хочешь – ты подвластен Закону даже в исполнении собственных желаний: ты обязан выполнять собственные желания, таким образом они *перестают быть* твоими желаниями. И именно поэтому *wilt*. «Поступай согласно своей воле! Пусть эти слова будут нашим боевым кличем во всех действиях, ибо каждое действие есть конфликт. Так перед нами возникает Победа во всем своем блеске; ибо кто осмелится противоречить истинной Воле, которая является распоряжением Самой Природы? "...У тебя нет права, кроме как поступать согласно твоей воле. Поступай так, и никто не скажет "нет"". Ибо если эта Воля истинна, ее выполнение столь же гарантировано, сколь наступление дня вслед за восходом Солнца. Это так же очевидно, как действие любого другого Закона Природы; это судьба. Если же Воля будет неясна, если ты обратишься от нее к извращенным и больным желаниям, на что ты можешь надеяться?», – писал Кроули в *Liber Alef*, или Книге Мудрости или Глупости [77: *Square filium creavit. Ut fiat libertas*], послании брату Ахаду, которое затем стало рассматриваться как свод рекомендаций Мастера новоприбывшим. – Никакого «все дозволено» нет, как бы этого некоторым «телемитам» ни хотелось. – Ты подвластен Воле, ты не имеешь права не исполнить ее. «Это есть «апофеоз Свободы, но одновременно и максимально возможное ограничение. "Do what thou wilt" также подразумевает "Не делай ничего кроме этого"» (примечание Кроули к сороковому стиху).

В так называемом «Послании Магистра Териона» (*Liber II* – впервые увидела свет в «Равноденствии»), откуда мы черпаем большую часть комментариев к *Liber AL*, только что упомянутая цитата предстает в следующем виде: «"Do what thou wilt" не значит "делать то, что тебе нравится". Это апофеоз Свободы, но также и обязательство, строжайшее из всех возможных. Поступай согласно своей Воле – и не делай ничего иного. Пусть ничто не отклоняет тебя от этой строгой и священной задачи. Поступать согласно воле – означает полную свободу, но устремись к чему-то еще – и тут же неизбежно возникнут препятствия. Любое действие, не лежащее на этой определенной орбите, – замешательство, помеха. Воля не должна быть двойственной – она одна». Таким образом, свобода в Телеме рассматривается как *свобода внутри ограничения* – **исполняй Волю** так, как ты **хочешь**. См., например, *Liber AL*: I, 41 и I, 53: «Take your fill and will of love as ye will, when, where and with whom ye will! But always unto me»

(«Получайте свою долю и удовольствие любви так, как вы изволите, когда, где и с кем изволите! Но всегда ради меня»); «Ecstasy be thine and joy of earth: ever To me! To me!» («Экстаз будет твоим и радость земная; всегда Ради меня! Ради меня!»), – говорит Нуит Жрецу. Богиня Нуит рассматривается в кроулианской традиции как проявление Материи, сама же материя может рассматриваться (по Шопенгауэру) как проявление Воли. Жрец понял эти слова Нуит следующим образом: «Если действие не направлено к Нуит, которая есть закономерный результат всей Работы, оно впустую и приведет лишь к конфликту внутри человека, так что "Царство Божие внутри нас" окажется раздираемым на части гражданской войной».

В связи с этим уместно вспомнить учение Канта о совместимости свободы и необходимости (отношение между умопостижимым и эмпирическим характером). В «Пролегоменах» (*Главного трансцендентального вопроса часть третья*, §53) Кант пишет: «В явлении каждое действие есть событие, или нечто происходящее во времени; ему должно предшествовать, согласно всеобщему закону природы, определение каузальности его причины (то или иное ее состояние), за которым действие следует по постоянному закону. Но это определение причины к действию (*Causalitat*) должно быть также чем-то случающимся, или *происходящим*; причина должна начать действовать, иначе между ней и действием немыслима была бы никакая временная последовательность; действие существовало бы всегда, как и каузальность причины. Итак, среди явлений *определение* причины к *действию* также должно возникать, т.е., так же, как и ее действие, быть событием, которое опять-таки должно иметь свою причину, и т.д.; следовательно, естественная необходимость должна быть условием, в соответствии с которым определяются действующие причины. Если же считать свободу свойством некоторых причин явлений, то по отношению к явлениям как событиям она должна быть способностью начинать их *сама собой* (*sponte*), т.е. так, чтобы каузальность причины сама не нуждалась в начале и, следовательно, в другом основании, это начало. Но тогда *причина* по своей каузальности не должна подчиняться временным определениям своего состояния, т.е. не должна быть *явлением*, т.е. должна быть признана вещью самой по себе, а одни только *действия* – *явлениями*. Если такое влияние умопостижимых сущностей на явления можно мыслить без противоречия, то хотя всякой связи причины и действия в чувственно воспринимаемом мире будет присуща естественная необходимость, однако, с другой стороны, за той причиной, которая сама не есть явление (хотя и лежит в основе явления), будет признана свобода. Таким образом, природа и свобода могут без противоречия быть приписаны одной и той же вещи, но в различном отношении: в одном случае – как явлению, в другом – как вещи самой по себе». Эмпирическая необходимость, по Канту, вполне может сочетаться с трансцендентальной свободой: свобода не проявляется в самом явлении, но существует в его сущности-в-себе. «Когда то или иное существо действует по объективным причинам, то каждое начало его поступка всегда

есть *первое начало* в отношении этих определяющих оснований, хотя этот же поступок в ряду явлений есть лишь *подчиненное начало*, которому должно предшествовать то или другое состояние причины, определяющее этот поступок и само также определяемое предшествующим состоянием; так что, не вступая в противоречие с законами природы, можно в разумных существах или вообще в существах, поскольку их причинность определяется в них как в вещах самих по себе, мыслить некоторую способность начинать само собой ряд состояний» (там же).

Эта идея Канта произвела большое впечатление на Шопенгауэра, он отзывался о ней как об «учении, которое принадлежит к самому прекрасному и глубокомысленному, что когда-либо дал этот великий ум, да и вообще человеческий интеллект». Вот четкий и однозначный вывод Шопенгауэра (сделанный на основе как анализа кантовской концепции, так и собственных привнесений): «Хотя воля и свободна, но она свободна лишь сама в себе и за пределами явления; в явлении же она дана с определенным характером, которому должны соответствовать все ее деяния». Это согласуется с предполагаемой нами телемитской «свободой внутри ограничения» в мельчайших деталях.

Вспомнив Канта, нельзя не вспомнить Иоганна Готлиба Фихте, особенно если учитывать, что Кроули рассматривал волю «в том же смысле, что и у Шопенгауэра и Фихте».

В "наукоучении" Фихте термин "воля" не имел определяющего значения, но все же в некоторых случаях использовался. Можно сказать, что "воля по Фихте" = "воля по Канту", поскольку Фихте полностью заимствует кантианскую концепцию («Автор до сих пор глубоко убежден, что никакой человеческий ум не проникает дальше границы, у которой стоял Кант» [Фихте И.Г. Избр. сочинения. М., 1916. Т. 1. С. 4] «С нашей точки зрения, Кант был нашим предшественником» (*Факты сознания*, часть I, глава 5)). – «Каждая вещь в природе действует по законам, – пишет Кант. – Только разумное существо имеет *волю* или способность поступать *согласно представлению* о законах, т.е. согласно принципам <...> Воля есть способность выбирать только то, что разум, независимо от склонности, признает практически необходимым, т.е. добрым» (*Кант И.* Соч. Т. 4. Ч. 1. С. 250-251). Категорический императив Канта требует: «Поступай так, чтобы **максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства**» (*Кант И.* Соч. Т. 4. Ч. 1. С. 347). Воля, как считал Кант (и Фихте), определяется только самой собой, своим внутренним законом, и ничто другое не может повлиять на нее.

Упомянем также концепцию свободы и необходимости, разработанную Дэвидом Юмом: «Мы чувствуем, что в большинстве случаев наши действия подчинены нашей воле, и воображаем, будто чувствуем, что сама воля не подчинена ничему; ибо если кто-либо, отрицая это, побуждает нас испытать свою волю, то мы чувствуем, что она легко движется в разных направлениях и порождает представление о себе (или слабое хотение

(*velleity*), как его называют в [философских] школах) даже там, где решения не было. Мы уверяем себя, что это представление, или слабое движение, могло бы и в то время перейти в действие, ибо, если кто станет отрицать это, мы увидим при вторичном опыте, что в настоящее время данный переход возможен; но мы не принимаем в расчет того, что своеобразное желание проявить свободу становится здесь мотивом наших действий. Несомненно, что, сколько бы мы ни воображали, будто чувствуем в себе свободу, посторонний наблюдатель обычно может заключить о наших действиях на основании наших мотивов и характера, и даже если он не сможет этого сделать, он все-таки придет к заключению, что вообще мог бы, если бы был вполне знаком с нашим положением и нашим темпераментом, с самыми скрытыми пружинами нашего душевного склада и характера. А в этом-то и заключается сущность необходимости» (*Исследование о человеческом разумении*, гл. VII: «О свободе и необходимости», часть 1).

Интересно, что Кроули в *Liber OS ABYSMI vel Da'ath*, представляющей собой указания для *Adeptus Exemptus*, Свободного Адепта (вторая ступень посвящения в *Ordo Templi Orientis*), пишет: «Пусть *Adeptus Exemptus* найдет "Пролегомены" Канта и изучит их, обращая особое внимание на Антиномии. Также учение Юма о Причинности в его "Исследовании"» [2-3].

Теперь – ближе к воле «по Шопенгауэру и Фихте». Оставим на совести Кроули постановку Шопенгауэра и Фихте в один ряд и посмотрим, что же такое эта «воля в том же смысле, что и у Шопенгауэра».

«Воля сама по себе бессознательна и представляет собой лишь слепой, неудержимый порыв, – такой она проявляется еще в неорганической и растительной природе и ее законах, как и в растительной части нашей собственной жизни. Но благодаря привходящему, развернутому для служения воле миру представления, она получает познание своего желания и того, что составляет предмет последнего: оказывается, он есть не что иное, как этот мир, жизнь, именно такая, какова она есть. Мы назвали поэтому мир явлений зеркалом воли, ее объективностью, и так как то, чего хочет воля, всегда есть жизнь (потому что именно в ее образе является для представления это желание), то все равно, сказать ли просто "воля" или "воля к жизни": последнее – только плеоназм.

Так как воля – это вещь-в-себе, внутреннее содержание, существо мира, а жизнь, видимый мир, явление – только зеркало воли, то мир так же неразлучно должен сопровождать волю, как тень – свое тело; и если есть воля, то будет и жизнь, мир. Таким образом, за волей к жизни обеспечена жизнь, и пока мы проникнуты волей к жизни, нам нечего бояться за свое существование – даже при виде смерти. Конечно, на наших глазах индивид возникает и уничтожается, но индивид – это только явление, он существует только для познания, подвластного закону основания, этому *principle individuationis*); с точки зрения такого познания, индивид, разумеется,

получает свою жизнь как подарок, приходит из ничего, в смерти своей несет утрату этого подарка и возвращается в ничто. Но ведь мы хотим рассматривать жизнь именно философски, т.е. по отношению к ее идеям, а с такой точки зрения мы найдем, что рождение и смерть совсем не касаются ни воли – вещи в себе во всех явлениях, ни субъекта познания – зрителя всех явлений. Рождение и смерть относятся к проявлению воли, т.е. к жизни, а последней свойственно выражать себя в индивидах, которые возникают и уничтожаются, – мимолетные, выступающие в форме времени явления того, что само в себе не знает времени, но должно все-таки принимать его форму, чтобы объективировать свою действительную сущность» [*Мир как воля и представление*, §54].

Таким образом, по Шопенгауэру, воля есть первоначало и первосущность бытия, воля универсальна, воля контролирует все происходящее. Воля имеет способность объективизироваться. Две известные нам формы ее объективизации: мир и человек. Воля полагает себя в "свое иное" для самопознания («Человек есть орган самопознания природы, а природа есть орган самопознания Воли»).

Отношение шопенгауэровской Воли к Желанию (к волевому в обыденном смысле слова, осознанному желанию) сводится к нулю: «острота желания уже непосредственно и сама по себе служит постоянным источником страдания, во-первых, потому, что всякое желание как таковое вытекает из нужды, т.е. страдания <...> во-вторых, потому, что в силу каузальной связи вещей большая часть желаний непременно остаются неисполненными, и воля гораздо чаще находит себе препятствие, чем удовлетворение» [*Мир как воля и представление*, §65].

Вот что на ту же тему говорит Мастер Терион: «Достижение излюбленных целей – великое искушение; **тот, кто поддается своим хотениям, ограничивает свой рост.** Верно, что всякая Воля частична – но верно и то, что всякая Воля должна быть исполнена посредством симметричной экспансии. Если она не будет согласовано со Вселенной, она не будет исполнена до конца» (*Магия в теории и на практике*, гл. VII:IV).

Что же мы повседневно вкладываем в понятие «воля»? – Пожалуй, нечто *противоположное* шопенгауэровской Мировой Воле: способность контролировать поступки, сознание и т.п. Одним словом: разум.

Что же есть разум, которым так гордится человек, по Шопенгауэру? – Разум есть третичная волевая субстанция, вторая из объективизаций Истинной Воли: первая есть категория **как является**, вторая – **как познается**. «Внутренняя и изначальная сущность мира не познание, а только воля, нечто бессознательное. Познание вообще – вторичного происхождения, оно лишь акцидентально и внешне» [*Введение в философию*, «Метафизика нравов»].

Кроули также неоднократно подчеркивал вторичную функцию разума по отношению к воле: «твоя безопасность и защита заключается в удержании разума на полагающемся ему месте, преданного помощника твоей истинной

воли, predeterminedенной природой» (*Liber Alef*, 130, «De ratione praesidio voluntatis»). Ср. с «Поистине, воля – большее, чем разум» в Чхандогья-Упанишаде (*Часть Седьмая*, IV:1)*.

Кроме того, Кроули, комментируя тридцатый и тридцать первый стихи Книги Хадита, говорит об «иррациональной природе Воли и Силы, об их принадлежности к Бессознательному, которое есть Хадит», что явно указывает на неотождесвимость "разума" и кроулианской "Воли".

Мировая Воля, органом которой является человек, почти полностью исключает свободу (в обыденном смысле, см. ниже) так называемой личности. (Но лишь почти: об этом – ниже.)

Кроули прекрасно отразил это положение в «Книге Мудрости или Глупости»: «любые действия в каком-то смысле являются Магией, являясь существенной частью той Великой Магической Работы, которую мы зовем Природой. Получается, что ты не имеешь свободной Воли? Воистину так, скажешь ты. Но тем не менее, твоя неизбежная судьба – действовать в соответствии с этой свободной Волей. Ты не можешь делать ничего, кроме того, что соответствует истинной Природе всех вещей и тебя самого, причиной всего сущего является полнота и целостность всех сил» [57, *De necessitate voluntatis*].

Шопенгауэр увязывает свободу и соответствие Воле таким образом:

«Понятие свободы, которое до сих пор мыслилось лишь по отношению к *возможности*, было применено к *хотению*, и возникла проблема, *свободно* ли само хотение? <...> "Свободный" обозначает "соответствующий собственной воле"; коль скоро, следовательно, спрашивают, свободна ли сама воля, то это, значит, спрашивают, соответствует ли воля себе самой <...> Эмпирическое понятие свободы выражает следующее: "Я свободен, если я могу делать то, что я хочу", – причем слова "что я хочу" уже решают вопрос о свободе. Но теперь мы спрашиваем о свободе самого хотения, так что вопрос этот должен принять такой вид: "Можешь ли ты также хотеть того, что ты хочешь?"» [*Две основные проблемы этики*: I]. Или: «Можешь ли ты хотеть?»

В «Равноденствии», раздел «Природа Дао», Кроули пишет: «...достоинством человека является занимать свое место и удовлетворяться этим; так он никогда не совершит несправедливости. (<...> В целом, это другое изложение фразы «Поступай согласно своей воле» [*Do what thou wilt*].)» (гл. VII, 3). – Этот отрывок может показаться странным для тех, кто неглубоко знаком с трудами Магистра и привык понимать лишь лежащий на поверхности смысл таких отрывков Книги Закона, как, например, слова Ра-

---

* Ср., однако, и с *Чхандогья-Упанишада*, Часть Седьмая, V:1. В Упанишадах воле отведена хотя и значительная, но все же не решающая роль: «Тот, кто почитает волю, как Брахмана, поистине, достигает желанных миров; постоянный, [он достигает] постоянных [миров], твердо основанный – твердо основанных, неколеблущийся – неколеблущихся. **В тех пределах, до которых простирается воля**, способен действовать, как желает, тот, кто почитает волю, как Брахмана» (*Чхандогья-Упанишада*, Часть Седьмая, IV:3).

Хоор-Куита в начале его послания: «I will give you a war-engine. With it ye shall smite the peoples; and none shall stand before you» («Я дам вам оружие войны. Им разгромите народы, и никто не устоит перед вами» – III, 7-8). На самом деле эти слова не имеют ни малейшего отношения к воинственности и "революционному настрою" (см. девятнадцатую главу *Liber CCCXXXIII* и, в особенности, «Старые и новые комментарии к *Liber AL*»).

Нуит, возможность отождествления которой с проявлением Мировой Воли мы уже упоминали, говорит о себе (*Liber AL*: I,26): «And the sign [of the coming of the *Æon of Gor*] shall be my ecstasy, the consciousness of the continuity of existence, the omnipresence of my body» («Знаменем же [пришествия эона Гора] будет мой экстаз, сознание непрерывности бытия, вездесущность моего тела»). А вот слова Шопенгауэра: «В то время как воля представляет такое самоутверждение собственного тела в бесчисленных рядах индивидов, она в силу присущего всем эгоизма легко выходит в каком-либо индивиде за пределы этого утверждения, – вплоть до отрицания той же самой воли, проявляющейся в другом индивиде» [§62] – «I am divided for love's sake, for the chance of union» («я разделена ради любви, ради возможности единения», I, 29). Сходство первого отрывка с концепциями Шопенгауэра еще усиливается, когда Кроули сообщает нам, что слов «вездесущность моего тела» в тексте, диктуемом ему Айвазом, не было: «В диктовке прозвучало "неразрывный неотомный факт моей универсальности", что было за гранью понимания писца, и он подумал, что люди не смогут этого понять. Айваз ответил: "Напиши своими словами. И пойдём дальше"». «Неразрывный неотомный факт существования» – это весьма похоже на те формулировки, какие Шопенгауэр использует, характеризуя универсализм Воли.

В КЕФАЛН В *Liber CCCXXXIII*, «Крик Сокола», Кроули пишет:

У Гора есть тайное четверичное имя:
Оно звучит как *DO WHAT THOU WILT*.
Четыре слова:
Ничто – Единичное – Многое – Все.

Wilt – Все. – *Алистер Кроули.* «Вещь же сама в себе, хотение (воля) жизни присутствует в каждом отдельном, самом даже мельчайшем, существе целостно и нераздельно и в такой полноте, как во всех остальных существах, когда-либо бывших, сущих и будущих, вместе взятых». – *Артур Шопенгауэр (Parerga und Paralipomena, гл. VII).*

В уже упомянутом предисловии к книге «Магия в теории и на практике» переводчик высказывает такое мнение: «Кроули, провозгласивший принцип "делай, что ты желаешь" краеугольным камнем своего учения <...>

делает некоторые оговорки. Время от времени он заявляет, что данный принцип касается только Истинного Желания, согласующегося с единым Желанием Вселенной и не осознаваемого большинством из нас. Некоторые не слишком прилежные читатели, осилившее только "Введение" к "Магии в теории и на практике", полагают, что понятие Истинного Желания – ключ ко всему учению Кроули, и вся работа Мага сводится к тому, чтобы постигнуть это Желание и следовать ему. Но это далеко не так, поскольку понятия "истинности" и "ложности" не имеют для Кроули абсолютно никакого значения: он воспринимает их как риторические фигуры или рабочие гипотезы, которые в любой момент можно отбросить и заменить другими. Вследствие этого иррациональная "истинность" Желания не играет практически никакой роли: важно лишь, чтобы Желание было достаточно сильным, постоянным и непреклонным». Вероятно, акцент в замысле написавшего это предисловие ставится на слова «понятие Истинного Желания – ключ ко всему учению Кроули» как на пример неверного и неглубокого восприятия учения; Истинная Воля же имеет гораздо более глубокий смысл, чем нечто «сильное, постоянное и непреклонное». Прочитываем все ту же книгу – «Магия в теории и на практике» – глава IX: «"Поступай в согласии с Волей..." – этот принцип подразумевает самоприспособление и исключает возможность ошибки. Только Истинная Воля приспособлена ко всей Вселенной с максимальной точностью, поскольку каждый член уравнения $a+b+c=0$ должен быть равен и противоположен сумме всех остальных членов. Ибо всякий индивид способен быть только самим собой и исполнять только свою Волю, которая представляет собой неизбежное отношение между ним и окружающей средой, составленное с учетом их динамики. Всякая ошибка – не более чем иллюзия, способствующая рассеянию миража. И общий закон гласит, что метод, позволяющий это сделать, состоит в том, чтобы понять и признать порядок Вселенной и не брать на себя непосильной задачи преодоления сил, которые противостоят нашему "я" и, вследствие этого, тождественны нашему "я". Ошибка в мышлении не позволит нам понять и осуществить нашу Истинную Волю».

Одной из основных характеристик Воли у Шопенгауэра является ее "безосновность", то есть неподчиненность закону необходимости, которому, однако, подчинены все *проявления* Воли (см. *Мир как воля и представление*, §23, ср. также: «Из-за безосновности самой воли проглядели ту необходимость, которой всюду подчинены ее явления, и провозгласили свободными поступки, чего на самом деле нет, так как всякое отдельное действие со строгой необходимостью вытекает из влияния мотива на характер»). Кроули создает концепцию "ненаправленности" воли, в которой, опять же, четко прослеживается аналогия с философией волюнтаризма, хотя в данном случае и не прямая. В своем комментарии к гексаграмме Хэн книги И-Цзин Мастер Террион пишет:

Хэн: На терпении построены великие империи.
Нет закона, кроме как поступать согласно твоей воле.
Страсть к результату искажает волю всеми способами.

«Мудрец сосредоточивается на одной Воле, и она подобна свету для всего мира. Сокрыв себя, он сияет; уединившись, он привлекает внимания; будучи скромным, он возвышается; неудовлетворенный собой (пока его Воля не достигнута), он собирает силу для достижения. *Поскольку он не стремится к цели, никто не может соперничать с ним*» (*Природа Дао*, гл. XXII, «Награда скромности»: 2). Наконец, существует прямая цитата-подтверждение: «любая цель угнетает волю; ясно, что от "страсти к результату следует избавляться» (*Равноденствие* III: «Послание Мастера Териона»). См. также *Liber AL*, I, 44: «pure will, unassuaged of purpose, delivered from the lust of result, is every way perfect» («чистая воля, неудовлетворяемая целью, свободная от вожделения результата, совершенна во всех отношениях»).

Мы приходим к пониманию «Do what thou wilt» в свете комментария «воля в том же смысле, что и у Шопенгауэра». Мы видим всю мнимость «свободы» положения следования «Do what thou wilt». Философия Шопенгауэра оставляет человеку возможность освобождения – отрицание воли к жизни гасит в человеке следование Воле и неосознаваемому представлению (ср.: «великая основная истина, содержащаяся как в христианстве, так и в брахманизме и буддизме, именно – потребность в искуплении из бытия, исполненного страданий и повинного смерти, и достижимость этого искупления путем отрицания воли, т.е. путем решительного противодействия природе, это – без всякого сравнения самая важная истина, какая только может быть на свете» [*Мир как воля и представление*, т.2, «Об отрицании воли к жизни»]), а уход в небытие является единственной возможностью достижения избавления от страдания для существа (воля к жизни и Мировая Воля по Шопенгауэру – одно и то же: «Пребывает неизменной одна только воля, но только она одна и заинтересована в той неизменности потому, что она – воля к жизни» [*Мир как воля и представление*, т.2, «Смерть и ее отношение к неразрушимости нашего существа»])). Кроули отвечает Шопенгауэру своим видением: «Пусть живут они [люди] без мысли о мелочной, бездуховной жизни. (Они должны открыть Истинную Волю и следовать ей.) Да не утомит их Источник Жизни! (Истинная подсознательная Воля.)» [*Природа Дао*, Часть II, Глава XVII, «Внимание к деталям». *Относительно любви к себе*:2]. Можно найти у Кроули и косвенно подтверждающее сказанное Шопенгауэром относительно воли к жизни как первооснове страдания: «эта публикация в значительной степени поможет выполнению моей Истинной Воли, из-за которой я появился на земле и испытываю тяготы и печали, наибольшие из тех, что выпадали людям» (*Равноденствие*, III, номер VIII: предисловие к новому переводу *Дао Дэ Цзин*). Следует также обратить особое внимание на тридцатый стих Книги

Нуит: «This is the creation of the world, that the pain of division is as nothing, and the joy of dissolution all» («Таково сотворение мира: боль разделения – ничто, радость же растворения – все»). На первый взгляд, высказанное положение противоречит шопенгауэровским концепциям, однако взглянем на комментарий Кроули к данному стиху: «Вселенная создана с определенным количеством боли, чтобы сделать возможной благодать растворения. Т.е. *боль жизни может быть возмещена благодатью смерти*». Шопенгауэр в «Новых Паралипоменах», §9, говорит следующее: «страдающее человечество и страдающий животный мир являются идеей жизни во времени; воля к жизни – истинное проклятие, а добродетель и порок – лишь слабейшая и сильнейшая степень воли к жизни; глупо страшиться, что смерть может отнять у нас жизнь, ибо воля к жизни, к сожалению, и есть уже жизнь, и если смерть и страдания не уничтожат этой воли к жизни, жизнь сама вечно течет из неисчерпаемого источника, из бесконечного времени, и воля к жизни всегда будет иметь жизнь, а с нею и смерть, этот горький придаток – смерть, которая в сущности одно и то же, что жизнь, ибо только время, ничтожное, служит для них различием и жизнь – не что иное, как отсроченная смерть». Разумеется, нельзя сказать, что в этой части мысли Кроули и Шопенгауэра *полностью идентичны*, но все же *в корне утверждения сходны*.

«Удовлетворение есть богатство, – пишет Кроули, – и непрерывная деятельность <...> есть Воля». Шопенгауэр полагал справедливым замечание Аристотеля «Ο βίος εν τε χίνεσει εστι» [*жизнь состоит в движении*] («Аристотель справедливо замечает <...> жизнь заключается в движении, и в нем ее сущность» – *Афоризмы житейской мудрости*, гл. II), добавляя к этому «правило, которое короче всего можно выразить по-латыни: "Omnis motus, quo celerior, eo magis motus" [*Чем быстрее какое-либо движение, тем более оно – движение*]» (там же). Остается только вспомнить, что, по мысли философа, «воля к жизни, к сожалению, и есть уже жизнь» (*Новые Паралипомены*, §9), и можно будет построить цепочку *движение = жизнь = воля*. Первый и последний члены, таким образом, равноценны и по Кроули, и по Шопенгауэру.

Стоит вспомнить и главу «De via libertatis», «О пути свободы», *Книги Алеф*, где Кроули призывает дать «всем функциям твоего тела и всем прочим частям своей сущности действовать согласно их истинной Воле». По Шопенгауэру, как мы уже говорили, тело есть "видимая воля", физическое ее проявление*.

Принимая несвободу следования воле (подробнее об этом – ниже), Кроули пытается привести в стройную систему сочетание свободы с недопустимостью Ограничения («Слово Греха – Ограничение» – *Liber AL*, I,

---

* Возможно, одним из источников вдохновения для Шопенгауэра стала Кена-Упанишада, в четвертой главе (стих 5) которой сказано: «Теперь – относительно тела. Это то, к чему словно движется разум; благодаря ему [человек] постоянно помнит это, [отсюда же] – воля». Шопенгауэр же утвердил прямо противоположное соотношение – тело от Воли.

41). Здесь необходимо отметить, что понятие "Ограничение" здесь не подразумевает того, что в него пытаются вложить пособия «все дозволено» – не «греховно ограничивать себя» (прямое противоречие с таким положением мы находим в *Liber Jugorum*), но «столкновение с волей другого есть большой грех, поскольку предполагает прежде всего существование другого», – так Кроули комментирует этот (сорок первый) стих Книги Нуит. «В этой двойственности и заключено страдание», – добавляет он. Таким образом, ограничение Воли вне тебя – также Ограничение, которое «есть слово греха», ибо неизбежно приводит и к связыванию своего собственного *Do what thou wilt*. Неким образом это перекликается с идеями философа-анархиста Михаила Бакунина: «Для того, чтобы я был свободен, необходимо, чтобы мое право и моя человеческая сущность были признаны, чтобы их образ, если можно так выразиться, был отражением как в зеркале свободного сознания всех других. Я могу быть действительно свободным только среди людей таких же свободных, как и я. Утверждение моего права за счет права раба или даже человека менее свободного, чем я, может и должно внушить мне сознание моей привилегии, а не сознание свободы» («Международное тайное общество освобождения человечества»).

Фихте также рассматривал вопрос взаимозависимости. «Правило права: ограничивай свою свободу понятием о свободе всех остальных лиц, с которыми ты вступаешь в контакт, – и получает новую санкцию для совести через закон абсолютного согласия с самим собой (нравственный закон), однако философское рассмотрение нравственного закона составляет предмет морали, а отнюдь не теории права, которая должна быть особой, независимой от других, наукой» (*Fichte I.G. Werke. Bd. 2. S. 14*), – писал он. Именно Фихте принадлежит формулировка "главного правового закона": «как возможна общность (*Gemeinschaft*) свободных существ как таковых?» (*Fichte I.G. Auswahl in sechs Bänden:89*).

В связи с этим нельзя не упомянуть мысль Дэвида Юма относительно взаимозависимости: «Взаимная зависимость людей во всяком обществе так велика, что едва ли какой-нибудь человеческий поступок представляет собой нечто завершённое и не находится в каком-либо отношении к поступкам других людей, необходимым для того, чтобы данный поступок вполне отвечал намерению действующего лица» (*Исследование о человеческом разумении*, гл. VIII, «О свободе и необходимости», часть 1). Кроули, таким образом, говоря «слово Греха – Ограничение», обходит и эту сложность: не ограничивая, не противодействуешь; не противодействуя, не действуешь; не действуя, не взаимодействуешь; а без взаимодействия нет и юмовского «едва ли какой-нибудь человеческий поступок представляет собой нечто завершённое».

Однако Кроули требует *следовать воле**, каковое следование, в его трактовке, есть единственная возможность самореализоваться (через

---

* Это по Шопенгауэру, как мы уже видели, является несовместимым со свободой воли. Правда, свобода воли, по Шопенгауэру, вообще невозможна: «Свобода воли потому

реализацию Воли), достигнув таким образом цели своей «свободы для» (как это называл Эрих Фромм). И именно на этом основании Кроули *не считает следование Воле слепым и бездумным*: «следует выполнять свою волю (на духовном уровне, то есть не содержащую страстного желания и противоречий), в ином случае человек несвободен» (*Природа Дао*, I:3). Но и «Do what thou wilt», следование Мировой Воле, есть закон сколь только возможно полной несвободы. И это – вовсе не привод к противоречию с первичной системой путем наложения ее на чуждые пласты (в данном случае – Шопенгауэр), а именно привод к пониманию первичной системы, как мы видим из комментариев Кроули, а также при внимательном рассмотрении таких стихов Книги, как «For pure will, unassuaged of purpose, delivered from the lust of result, is every way perfect» (I:44, «Ибо чистая воля, неудовлетворяемая целью, свободная от вожделения результата, совершенна во всех отношениях» – еще один ключ к тому, **почему же** Кроули призывал к слепому следованию воле), «If Will stops and cries Why, invoking Because, then Will stops & does nought» (II:30, «Если Воля приостанавливается и кричит "Почему?", призывая "Потому что", то Воля останавливается и не совершает ничего» – отрицание разума, который является тем, что мы *обычно* называем волей (и пытаемся даже применить это свое понятие к «Do what thou wilt!»). Ср. также со стихами II, 27 и, особенно, II, 32), «take your fill and will of love as ye will, when, where and with whom ye will! But always unto me» (I:51, «наслаждайтесь любовью так, как вы пожелаете, когда, где и с кем пожелаете! Но всегда ради меня», а также I, 41 – утверждение воли к жизни (т.е. обезволивание личности и утверждение в нем слепой Мировой Воли) по Шопенгауэру: «фокусом воли, т.е. ее концентрацией и высшим выражением, служит половой инстинкт и его удовлетворение; поэтому весьма красноречиво то наивно выраженное на символическом языке природы обстоятельство, что индивидуализированная воля, т.е. человек и животное, вступает в мир через врата половых органов» [*Мир как воля и представление*, т.2, гл. XL]), уже упоминавшееся «thou hast no right but to do thy will» и так далее.

Вот что говорит Кроули в Примечаниях относительно «Не откажи жене своей»: «Половой инстинкт это одно из наиболее глубоко укорененных проявлений воли, и он не должен быть ограничен; ни негативно – препятствиями к его свободному проявлению, ни позитивно – настаиванием

кажется присущею каждому отдельному поступку, что исконно существующая воля получает в эмпирическом сознании видимость и осязательность всякий раз только посредством каждого отдельного поступка и только таким путем чувствуются нами все дурные стороны нашего характера. Каждое действие именно сопровождается таким комментарием совести: «Ты мог бы поступить и иначе», – хотя собственно истинный смысл этого есть: «Ты мог бы также быть иным». Так как, с одной стороны, вследствие неизменяемости характера, а с другой – вследствие строгой необходимости, с какою наступают все обстоятельства, в которые он последовательно вступает, жизненное поприще каждого человека является строго и точно определенным от А и до Z» [*Parerga und Paralipomena*, гл. VII].

на его непрямом проявлении. Что отвратительней – задержать естественный процесс роста или деформировать растущее?».

Следует также вспомнить еще один из трех законов Телемы, также непосредственно связанный с волей: «Love is the law, love under will» («Любовь есть закон, любовь, управляемая волей». *Liber AL*, I, 57): «[это есть] интерпретация главного закона Воли. В то время, как Воля есть Закон, природа такой Воли есть Любовь» (*Liber II*). Это может показаться противоречием с концепцией Шопенгауэра, – «из того же источника, откуда вытекают всякая доброта, любовь, добродетель и великодушие, исходит, наконец, и то, что я называю отрицанием воли к жизни» – но на самом деле Кроули и Шопенгауэр просто говорят о разной любви, ср.: «чистая любовь (αγάπη, caritas) по своей природе является состраданием, – все равно велико или мало то страдание, которое она облегчает (к нему относится каждое неудовлетворенное желание). Поэтому <...> мы нисколько не поколеблемся сказать: голое понятие для настоящей добродетели так же бесплодно, как и для настоящего искусства; всякая истинная и чистая любовь – это сострадание, и всякая любовь, которая не есть сострадание, – это себялюбие. Себялюбие – это έρως, сострадание – это αγάπη» (Шопенгауэр, *Мир как воля и представление*, §67) и «Посмотри, хотя Книга Закона полна Любви, в ней нет и слова Сентиментальности. Ненависть подобна Любви! "Сражайтесь, как братья!" Это понятно всем народам мира. В Книге Закона Любовь всегда смелая, сильная, даже оргиастическая. В ней есть чувственность, нежность – но это чувственность силы. Она могущественна, сильна и ужасна» (Кроули, *Liber II*). Совершенно ясно, что нет ничего сходного между тем, что называет любовью Шопенгауэр и тем, что называет любовью Кроули.

Мы не будем подробно анализировать эти концепции, поскольку они не в полной мере отвечают заданной теме^{*}; сейчас нам достаточно понять, что *противоречия между ними не возникает*.

Наконец, следует кратко рассмотреть последний закон Телемы: «Every man and every woman is a star» («Каждый мужчина и каждая женщина – это звезда», *Liber AL*, I,3). Чаще всего это положение рассматривается однобоко: «звезда в значении "нечто яркое, красивое и возвышенное"». Вполне вероятно, что такое толкование действительно может иметь место, но все же оно не передает главного значения: звезды в этой фразе означают, в первую очередь, *сущности, движущиеся по заданной траектории* и, при нормальных условиях, *не сталкивающиеся*. В *Liber II* Кроули пишет: «здесь подразумевается теория, что если каждый мужчина и каждая женщина будут выполнять свою волю – истинную волю – то разногласий не будет. "Каждый мужчина и каждая женщина – звезда", и каждая звезда движется по определенному пути без столкновений. Места для всех предостаточно – недоразумения вызваны исключительно беспорядком».

---

^{*} Заинтересованному в психологическом аспекте этих концепций читателю можно посоветовать ознакомиться с трудом Ролло Мэя «Любовь и воля».

Смирять себя перед своим Я.
Алистер Кроули, Liber Librae:7

Свободы нет.
Но есть освобождение.
Максимилиан Волошин

Итак, мы можем с полной уверенностью говорить: изначальные предпосылки трактования воли в философии волюнтаризма и в учении Телемы в целом, равно как и во многих деталях, тождественны. Выводы, сделанные из анализа одинаковых предпосылок, разумеется, не одинаковы.

В первую очередь – невозможно точно ответить на вопрос, в чем Кроули видел источник Воли. Считал ли он ее скрытым в сознании Истинным Желанием («Принадлежность Воли к Бессознательному») или же, как у Шопенгауэра, сама *Воля есть вещь-в-себе* («[Воля] согласно нашему взгляду, есть вещь-в-себе, опора всякого явления» (*Мир как Воля и Представление*, §55)) и потому никакого источника иметь не может по определению? На основании всего вышесказанного мы полагаем, что кроулианская телема есть вещь-в-себе, а вопрос «Где источник Телемы» – некорректным. Если говорить о понятии Воли, то Шопенгауэр видел источник его «не в явлении, не просто в наглядном представлении, а исходит изнутри, вытекает из непосредственного сознания каждого, сознания, в котором каждый познает собственную индивидуальность в ее существе, непосредственно, вне всякой формы, даже вне формы субъекта и объекта, и которым он в то же время является сам, ибо здесь познающее и познаваемое совпадают» (*Мир как Воля и Представление*, §22). Кроули ничего не говорит об источнике Воли даже в таком смысле. –

Телема совершенна, и формулировка «принадлежность [совершенной] Воли» к чему бы то ни было выглядит достаточно странно. Еще несколько наблюдений, относящихся к источнику, мы сделаем в подразделе «Сатанизм».

Кульминационный момент волюнтаризма Шопенгауэра – *преодоление* воли к жизни – в традиции Телемы превращен в свою противоположность: *Do what thou wilt, Поступай согласно своей воле*. Еще несколько наблюдений, относящихся к следованию Воле, мы сделаем в подразделе «Ницшеанство»

Общие положения у Кроули и Шопенгауэра есть не только в том, что касается Воли: ср., к примеру, фразу Кроули «не существует общих

стандартов Правильности. Каждая звезда должна идти по своей собственной орбите. Этические и Моральные Принципы – понятия лишённые смысла, заблуждения толпы» с шопенгауэровской концепцией "мира как представления": «Все, что принадлежит и может принадлежать миру, неизбежно отмечено печатью <...> обусловленности субъектом и существует только для субъекта. Мир есть представление» (*Мир как воля и представление*, §1).

Рассмотрение главного принципа Телемы как некоего постулата дикой вседозволенности не выдерживает никакой критики, даже самой поверхностной. Обвинения Кроули в *непонимании* того, что **закон** *Do what thou wilt* "противоречит сам себе" также могут происходить только из плохого знакомства с критикуемым предметом: Мастер Террион, как было продемонстрировано в данной статье, не только прекрасно осознавал все сложности формулировки Закона, но и вполне успешно обошел эти сложности, создав свою уникальную в целом, хотя и заимствующую некоторые детали у различных философских школ, систему. Яркий пример недопустимости вседозволенности не в отвлеченном, а в практическом смысле, в философии Телемы можно найти в так называемой *Liber III vel Jugorum*, в которой Кроули дает указания и упражнения для достижения контроля над своими поступками: «Трое этих Зверей, которыми тебе придется вспахать Поле: Единорог [*речь*], Лошадь [*движение*] и Вол [*мысль*]. И должен ты их запрячь в тройную упряжку, управляемую Одним Возницей» (0:1). Говоря о необходимости "запрягания" Кроули произносит нечто, что должно бы единомысленно отвлечь от него всех любителей "делай, что хочешь": «Взгляни на Ярмо на шее Волон! Не посредством ли этого должно быть вспахано Поле? Ярмо тяжело, но связывает вместе их, разделенных» (0:0)...

...*Книга Jugorum* заканчивается словами «Свяжи себя так, и станешь навсегда свободен» (3:3).

Эти слова применимы ко всей телемитской системе свободы воли.

Рассмотрение воли в иных системах

Пойми совершенство Нашего Закона еще через одно Небесное Искусство.
Liber Alef:150

Мы *кратко* рассмотрим понятие Воли в аспекте сравнения с данным понятием в Телеме в нескольких субъективно отобранных пост-шопенгауэровских (в контексте, правда, не очень важно их отношение к волюнтаризму) системах, проекция на которые, каковая, как нам кажется, имеет место*, может исказить некоторые аспекты Телемы (следует обратить внимание читателя на то, что в подзаголовках – «Телема и ...» – имеется в виду именно *Θελημα*, т.е. Воля, а не все телемитское учение.). – Мы добавляем эти небольшие заметки главным образом ради того, чтобы осветить именно *телемитскую Волю* – но не разнообразные системы, которых мы касаемся – как можно более полно.

---

* Предоставляем читателю самому судить, откуда происходит непонимание телемитской доктрины – из собственных поведенческих особенностей желающих «изволять» или же из трактовки Телемы в свете не до конца совместимого или совсем несовместимого с ней учения. Мы полагаем, что *основой* такого непонимания является первое (особенности отношения к миру), а орудием "доказательства корректности" такого восприятия – второе (чуждые концепции).

Интересен тот факт, что в многочисленных пост-шопенгауэровских философских (и психологических) системах понятие «воля» рассматривалось как нечто вполне сопоставимое с «Мировой Волей» Шопенгауэра.

Карл Густав Юнг в предисловии к своей работе «Сознательный разум» говорит: «Такие функции, как мышление, воля и т.п., *еще не дифференцированы*; они до-сознательны».

Уильям Джеймс в статье «Воля» выводит почти шопенгауэровское понятие: «при волевом усилии нам кажется, будто в каждую минуту мы могли бы сделать это усилие большим или меньшим по сравнению со сделанным нами. Другими словами, нам кажется, будто усилие не зависит постоянно от величины сопротивления, которое оказывает известный объект нашей воли; будто по отношению к окружающим обстоятельствам (к мотивам, складу характера и т. д.) оно представляет то, что на математическом языке называется независимой переменной». Сравните с уже цитировавшимся выше вопросом Шопенгауэра «Свободно или само желание?».

В самом деле, вопрос о свободе воли на почве чисто психологической неразрешим.

Психология оставляет без внимания проявления свободы воли, не отрицая, безусловно, их возможности. На практике, конечно, это сводится к отрицанию свободы воли, и большинство современных психологов действительно, не колеблясь, отвергают существование свободы воли.

«Итак, вопрос о свободе воли может быть в психологии оставлен без внимания. Как мы заметили выше, свобода воли, если только она существует, всецело сводится к более или менее продолжительному, более или менее интенсивному созерцанию известного представления или известной части представления. Перевес в продолжительности или интенсивности одного из мотивов, равно возможных для осуществления, и придает этому мотиву решающее значение, реализуя связанный с ним акт воли. Такое усиление или ускорение мотива может иметь огромное значение для моралиста или историка, но для психолога, рассматривающего явление с точки зрения строго детерминистской, проявления свободы воли могут быть отнесены к числу бесконечно малых».